



ГОСУДАРЕВО СЛОВО И ДѢЛО.

Первая четверть XVIII вѣка была у насъ временемъ крутой ломки, вѣками создававшегося уклада жизни. Государевы новшества, Нѣмецкія затѣи, какъ называли ихъ, многимъ были не по сердцу. Недовольство и глухой ропотъ бурлили въ народѣ, и только память о кровавой расправѣ со стрѣльцами, непреклонная воля Императора и его рѣшительныя дѣйствія, а отчасти затянувшаяся на долгіе годы война со Шведами, не дали этому недовольству обратиться въ явный мятежъ. Въ ворчливыхъ пересудахъ, въ „засорныхъ“, непригожихъ разговорахъ о Петрѣ и его „фамиліи“—царицѣ Екаторинѣ и прижитыхъ ею отъ него до брака дѣтяхъ, отводили душу многочисленные тайные недруги Государя. Повсюду велись непристойныя рѣчи, и народъ охотно слушалъ ихъ.

Тогда учреждена была Тайная Канцелярія розыскныхъ дѣлъ. Подъ страхомъ смертной казни, каждый, знавшій за кѣмъ либо замыселъ противъ Государя или услышавшій нехорошія рѣчи о немъ, обязанъ былъ сказать за собою *Государево слово и дѣло*. Особыми указами установленъ порядокъ судопроизводства и вершенія такихъ дѣлъ.

Въ слѣдующія царствованія Тайная Канцелярія до того обременилась ложными доносами, что правительство было вынуждено издать рядъ указовъ, которые устанавливали тяжелыя кары за ложное доносительство, а Екатерина II, указомъ 19-го Октября 1762 г. вовсе запретила употреблять выраженіе „слово и дѣло“, добавивъ: „а если кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Изложенныя ниже дѣла извлечены мною изъ архива Калужскаго Губернскаго Правленія. Въ 1718 году, къ Калужской провинціи, входившей тогда въ составъ Московской губерніи, причислены были кромѣ Калужскаго уѣзда еще семь близкихъ къ нему уѣздовъ: Воротынскій, Козельскій, Лихвинскій, Медынскій, Мещовскій, Мосальскій, Черемышльскій, Серпейскій и Одоевскій. Въ 1777 году послѣдовало учрежденіе Калужскаго намѣстничества, и Калужская провинція переименована была въ Калужскую губернію. Боровскій, Малоярославецкій и Тарусскій уѣзды присоединены отъ Москвы къ Калугѣ, а уѣздъ

Одоевскій отошелъ къ Тульской губерніи. Съ переходомъ этого уѣзда въ Тульское намѣстничество большая часть дѣлъ Одоевской воеводской канцеляріи передана была въ архивъ Тульскаго Губернскаго Правленія. Остались дѣла причастныя Калужской провинціальной Воеводской Канцеляріи и девять секретныхъ дѣлъ, относящихся къ 1750—1763 годамъ.

Извѣтъ.

Годъ отъ году хирѣющая нынѣ въ торговомъ отношеніи Калуга въ половинѣ XVIII в. была бойкимъ торговымъ мѣстомъ. Изъ подмосковныхъ городовъ одинъ только Ярославль могъ соперничать съ нею. Калужскіе купцы вели оживленную торговлю съ чужими краями. Ихъ знали въ Берлинѣ, Любекѣ, Гданскѣ и Лейпцигѣ. Они продавали тамъ юфтъ, мерлушку и воскъ. Въ Польшу они везли китайку, чай и пушной товаръ. На Балтійскихъ пристаняхъ и въ Питерѣ погружали на Аглицкіе и Голандскіе корабли парусныя полотна, смолу и пеньку. ъздили они и въ Бухарскія владѣнія торговать съ Бесерменскими и Индѣйскими купцами; забирались совсѣмъ на край свѣта, за тридевятъ земель, къ Монгольскимъ князьямъ, въ Урянхай и въ городъ Кяхту, покупали тамъ чай и другіе Китайскіе товары. Изъ-за Польскаго и Нѣмецкаго рубежей везли они галантерею, ткани разныя и тонкія полотна, фарфоровую посуду, да жемчугъ, что идетъ на женскіе уборы. Продавали они тѣ товары по всей Руси православной, а для того ъздили на ярмарки: Макарьевскую, Коренную, Боровскую и Свинскую (при Свинскомъ, иначе Свѣнскомъ монастырѣ, что у города Брянска Орловской губ.), на контракты въ Кіевъ и въ другія мѣста. Всюду были они желанными гостями, повсюду встрѣчали ихъ честь-честью. Въ 1756 г. Калужскій первостатейный купецъ Никита Шемякинъ, закупъ съ однимъ Ярославскимъ купцомъ, надумали было завести торгъ съ самимъ Царьградомъ, составили они коммерческую „компанію“ вести торговлю въ Туретчинѣ, а только не осилили, не справились съ Бусурманскими порядками и ту компанію въ 1762 году порушили.

Внутри Россійскаго государства вели Калужскіе купцы большой торгъ съ Украйной. Сбывали они тамъ Московскіе и заграничныя товары, а оттуда гнали на Москву табуны степныхъ коней, скотъ Черкасскій, везли битую свинью, сало, хлѣбъ и овчинный товаръ.

Ходили Калужскіе купцы и по откупамъ. Все тотъ-же Никита Шемякинъ въ 1757 г. затѣялъ большое торговое дѣло: взялъ на шестилѣтній откупъ какъ есть всѣ Россійскія портовыя, пограничныя и внутреннія пошлины.

Многіе казенные подряды поснимали тогда Калужскіе купцы.

Отъ всѣхъ тѣхъ прибыльныхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ изрядно разбогатѣли они, нажили большія имѣнія, скопили хорошую деньгу.

Въ числѣ другихъ Калужскихъ купеческихъ семействъ особенно выдѣлялись по тому времени: Дехтеревы, Коробовы и Золотаревы. Не разъ ходили они въ земскихъ старостахъ города Калуги, выстроили себѣ большія каменныя палаты и украсили ихъ диковиннымъ на Руси заграничнымъ добромъ. По сіе

время цѣль въ Калугѣ Золотаревскій домъ, нынѣ принадлежащій Кологривовымъ. Не разъ останавливались въ томъ домѣ „высокія персоны“: государи, великіе князья и княгини Россійскаго царскаго корня. Завалены были кладовыя Золотаревыхъ всякими цѣнными, да рѣдкостными Французскими и Нѣмецкими издѣліями. Не за одинъ годъ, не за два. почитай, цѣлое столѣтіе накопляли они пожитки тѣ. И, хотя по тому времени, къ которому относится нашъ разсказъ, затѣйнаго Золотаревскаго дома еще не существовало въ Калугѣ, да и казна ихъ была не столь велика, какъ въ началѣ XIX вѣка, когда Петръ Максимовичъ Золотаревъ сидѣлъ въ городскихъ головахъ (1813—1816), все же и тогда люди они были весьма состоятельные, домъ ихъ былъ что чаша полная, избытками всякими преуспѣвалъ, и мошна Золотаревская куда какъ туго набита была.

По такой фортунѣ жить бы имъ только, да радоваться. Отъ всякой напасти берегла ихъ золотая казна. А между тѣмъ, приключилась и съ ними бѣда, да еще такая, что во вѣкъ не забудешь ея: отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, будетъ переходить память о ней. Правду молвятъ старые люди: отъ сумы, да тюрьмы не зарекайся. Стряслась та бѣда надъ Михайломъ Евдокимовичемъ Золотаревымъ.

2-го Мая 1752 года учинилось въ городѣ Одоевѣ озорничество. Наемный работникъ купца Торубаева, Ониська Пронинъ, вкупѣ съ другими цѣловальниками „билъ смертнымъ боемъ“ положеннаго въ подушный окладъ солдатскаго сына, Одоевца Ефрема Булгакова. За то его, Пронина, озорничество былъ онъ того же дня сысканъ въ Одоевскую Военную Канцелярію и поставленъ къ отвѣту; а на другой день, какъ стали его по тому дѣлу допрашивать, заявилъ онъ за собою великое Ея Императорскаго Величества „слово и дѣло“.

Знаю я за собою Государево слово и дѣло, показывалъ Пронинъ, и знаю великую важность за Калужскими купцами Иваномъ Григорьевымъ Торубаевымъ, да Михайломъ Евдокимовымъ Золотаревымъ. Во всемъ томъ могу я доказать въ конторѣ тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ. Покажу о томъ словесно, такъ какъ грамотѣ не ученъ и писать не умѣю.

Торубаевъ за поручительство Михайлы Евдокимовича Золотарева вѣдалъ по городу Одоеву таможенными, кабацкими и всякими другими сборами.

Не было ничего удивительнаго въ показаніи Пронина. Люди они, что Торубаевъ, что Золотаревъ, богатые и сильные, въ посадскомъ міру значительные, по людямъ бывалые, да и къ верхамъ причастные. Могло статься, что и взаправду врагъ рода человѣческаго попуталъ ихъ, и сболтнули они такое, за что Государево слово и дѣло надлежить.

Всполюшились Одоевскія власти. А, какъ на грѣхъ, оба Калужскихъ купца, и Торубаевъ, и Золотаревъ, на тотъ случай оказались на лицо въ Одоевѣ. Призываетъ Одоевскій воевода, Иванъ Языковъ, кописта Одоевской Воеводской Канцеляріи Димитрія Тучинина и велитъ ему идти „въ скорости“ съ солдатами въ Одоевскую таможду и, взявъ тамъ купца Торубаева, привести

его въ канцелярію. Выдаетъ онъ ему подписанную имъ „инструкцію“, а въ ней строго на строго наказываетъ хранить того Торубаева въ пути „бережно“, чтобы „не возымѣлъ онъ какой утечки“, до разговоръ его ни съ кѣмъ не допускать, писемъ отъ него и къ нему не передавать и „во всемъ поступать согласно присяжной записи“.

Когда отдавалъ воевода свое приказаніе, время было уже позднее, темень наползала на городъ. Взять съ „малыми людьми“ Торубаева „насилъно“ въ самой тамождѣ, гдѣ въ то время находилось изрядное число его цѣловальниковъ и его „наемныхъ людей“, Тычинину показалось опаснымъ; да если-бы и удалось, то въ пути, за ночнымъ временемъ, могло содѣяться всякое нехорошее дѣло. Указывая на все это, трусоватый Тычининъ просилъ воеводу отдумать на сегодня арестованіе Торубаева. Воевода, очевидно, и самъ опасался, какъ бы за позднимъ временемъ Торубаевъ и взаправду не учинилъ въ пути утечки, а побѣгъ столь важнаго государственнаго преступника являлся чреватымъ такими опасными для самого воеводы послѣдствіями, что бѣды съ ними и во вѣкъ не избудешь. Отдумалъ онъ свое рѣшеніе. Велитъ Тычинину арестомъ повременить, но все же идти къ Торубаеву и съ надежными караульниками заночевать у него, строго на строго оберегая его отъ „утечки“, а какъ свѣтло станетъ, то Торубаева и Золотарева привести въ канцелярію.

4-го Мая Калужскій купецъ Михайла Евдокимовъ Золотаревъ сысканъ былъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію и секретно допрошенъ. Въ допросѣ упорно показывалъ онъ, что ни за собой, ни за кѣмъ либо другимъ никакихъ дѣлъ ни по одному изъ двухъ пунктовъ Государева слова и дѣла не знаетъ. За неграмотностью онъ то свое показаніе подтвердилъ рукоприкладствомъ: поставилъ вмѣсто имени, отчества и фамиліи три черты.

Хотя въ дѣлѣ не имѣется подлиннаго показанія Торубаева, но несомнѣнно, что и онъ допрошенъ былъ тѣмъ же днемъ, при чемъ показалъ тоже, что и Золотаревъ.

6-го Мая Пронина опять поставили къ допросу. На этотъ разъ онъ далъ показаніе другое.

—Зовутъ меня Анисимъ Ивановъ, самъ я посадскій человекъ изъ города Лихвина. Лѣтъ мнѣ отъ роду двадцать пять. Служу я наемнымъ работникомъ у Калужскаго купца, содержателя по городу Одоеву таможенныхъ, кабацкихъ, и другихъ сборовъ, Ивана Григорьева Торубаева. Кричалъ я наемни Ея Императорскаго Величества „слово и дѣло“ и показывалъ великую важность за Калужскими купцами Иваномъ Григорьевымъ Торубаевымъ и Михайломъ Евдокимовымъ Золотаревымъ напрасно, себя охраняя, показывалъ все то затѣмъ, чтобы отъ наказанія отойти. Послѣ того какъ вкушъ съ другими цѣловальниками билъ я смертнымъ боемъ солдатскаго сына Ефрема Булгакова и привели меня въ Воеводскую Канцелярію, имѣлъ я большую опаску въ наказаніи за то мое озорничество. Вѣдомо было мнѣ, коли скажу я Государеву „слово и дѣло“ на оныхъ Торубаева и Золотарева, отошлютъ меня въ Калужскую провинціальную Канцелярію, а тамъ Иванъ Григорьевичъ Торубаевъ слово за меня замолвить и, какъ господа присутствующіе Калужской Провинціальной Канце-

лириі весьма къ милости склонны, то меня по его слову, да по ходатайству Михайлы Евдокимовича Золотарева, отъ всякаго истязанія ослобонять. Все то и имѣлъ въ своемъ унованіи, когда кричалъ Ея Императорскаго Величества слово и дѣло. А какъ стало теперь мнѣ извѣстно, что пошлютъ меня не въ Калужскую Провинціальную Канцелярію, а въ Московскую Контору Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, то винюсь я передъ вами и по присяжной своей должности показываю вамъ, что то Государево слово и дѣло кричалъ я напрасно и ни за собою, ни за Иваномъ Григорьевичемъ, ни за Михайломъ Евдокимовичемъ, никакого дѣла великой важности не знаю.

Новое показаніе Пронина немало изумило воеводу. Словно оно и похоже на правду; а всеже могло стать, что новое показаніе даетъ онъ корысти ради, въ чаяніи за то награды отъ обоихъ Калужскихъ купцовъ. Не возьметъ въ толкъ воевода, какъ ему лучше поступить въ такомъ дѣлѣ. Надумалъ онъ всѣхъ трехъ колодниковъ: Пронина, Торубаева и Золотарева отослать въ Москву въ Контору Тайныхъ и Розыскныхъ дѣлъ. Тамъ доподлинно все изслѣдуютъ, поступятъ, какъ надлежитъ по указамъ.

Порѣшили отправить арестованныхъ съ солдатомъ Леономъ Шкурановымъ и назначить въ его распоряженіе приличный конвой. Принявъ трехъ колодниковъ и запечатанное въ „ковертъ“ доношеніе, Шкурановъ долженъ былъ слѣдовать до Москвы, требуя себѣ, въ выданной ему подорожной, отъ Одоева до Тулы обывательскія подводы, а отъ Тулы до Москвы, ямскихъ лошадей. Въ выданной ему инструкціи указывалось имѣть строгое береженіе колодниковъ. Отъ села до села и отъ города до города брать провожатыхъ людей человекъ по десяти. Во время слѣдованія въ пути колодниковъ тѣхъ хранить, чтобы не возымѣли какой утечки, до разговоровъ промежь себя и съ посторонними ихъ не допускать, писемъ отъ нихъ и къ нимъ не передавать, а какъ пища и питье будетъ ими получаться, то таковую пищу и питье напередъ самому опробовать, дабы не произошло имъ въ пути какого вреда.

Но колодники не были отправлены въ Москву. 5-го Мая, передъ самою отправкою ихъ, Пронинъ еще разъ завѣрилъ, что все показанное имъ въ его первомъ заявленіи извѣтъ: никакого Государева „слово и дѣло“ ни за собою, ни за обоими Калужскими купцами онъ не знаетъ, а показалъ все то „въ пьянствѣ“.

Новое столь положительное заявленіе, а можетъ быть, къ тому же и посулы богатыхъ Калужскихъ купцовъ, переимѣнили рѣшеніе Одоевскаго воеводы; и, повидимому, Торубаевъ и Золотаревъ тогда же были выпущены на волю. Пронина опять засадили подъ крѣпкій караулъ. За нимъ, помимо ложнаго кричанія Государева слова и дѣла, значилась еще и другая вина: 2-го Мая „наглостью своею и озорничествомъ“ вкупѣ съ другими цѣловальниками, билъ „смертнымъ боемъ“ солдатскаго сына Ефрема Булгакова.

Согласно именному указу 25-го Іюня 1742 года за ложное сказываніе Государева слова и дѣла виновный, если онъ принадлежалъ къ посадскимъ людямъ, и при томъ къ военной службѣ годенъ, наказывался вмѣсто кнута

нешаднымъ битьемъ плетьюми. На счастье Пронина его признали годнымъ къ отдачѣ въ рекруты, а потому, въ силу этого указа, присутствіе Одоевской Воеводской Канцеляріи опредѣлило его бить плетьюми, а по учиненію наказанія отдать по прежнему въ городъ Лихвинъ въ купеческую слободу.

Рѣшеніе это занесено было въ журналъ присутствія только 26 Октября 1751 года. Что послужило причиной такой медлительности въ судопроизводствѣ, изъ дѣла не видно; очень можетъ быть, дѣлопроизводство по первой его винѣ, т. е. о „смертномъ боѣ“ Булгакова.

Заключительнымъ звеномъ дѣлопроизводства была поручительная расписка. 2-го Ноября 1752 г., города Лихвина посадскій человекъ, Анисимъ Пронинъ (указываетъ расписка) отданъ былъ того же городу посадскому человеку Родіону Дементьеву сыну Ермолову съ обязательствомъ, буде въ томъ нужда окажется, поставить его, Пронина, въ Одоевской Воеводской Канцеляріи по первому ея требованію, а ежели онъ, Ермоловъ, какъ тотъ впредь воспотребуется не поставить Пронина, за то „повелѣно бы было съ нимъ Ермоловымъ учинить по указамъ чему будетъ достоинъ“.

Ничѣмъ закончилась для Золотарева изрядная передрыга, учиненная извѣтомъ Ониски Пронина; благополучно вернулся онъ въ богоспасаемую Калугу, но долго помнилъ неприятную оказію приключившуюся съ нимъ; охотно и часто рассказывалъ онъ и домашнимъ и добрымъ знакомымъ о тревогахъ, пережитыхъ имъ подъ арестомъ за крѣпкимъ карауломъ.

Одоевскій озорникъ.

По обнародованіи манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II всѣ сословія повсемѣстно приведены были къ присягѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Спокойно царствовала новая Государыня. Давно уже умолкли всякіе разговоры по поводу „Петербургскихъ дѣйствъ“. И вотъ совсѣмъ неожиданно-негаданно, въ глухой провинціи, за много верстъ отъ обѣихъ столицъ, выплываетъ „секретное“ зазорное дѣло о „непристойныхъ рѣчахъ касательныхъ высокой персоны“; выплываетъ оно въ связи съ другимъ „непотребнымъ“ дѣломъ того же самаго озорника, дѣломъ явно богохульнымъ.

25-го Марта 1763 г. явился въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію, вотчины ротмистра конной гвардіи, князя Николая Алексѣевича Шаховского, его десятскій Максимъ Аверьяновъ, и подалъ доношеніе, и въ немъ по пунктамъ указывалъ, что 22-го того же Марта, въ церкви села Ильинского, Чоглоково тожь, во время цѣнія божественной литургіи, вопель въ храмъ дворовый человекъ капитана Іевлева, Дементій Сергѣевъ и закричалъ „Государево слово и дѣло“.

А были тогда въ церкви: Федоръ Яковлевичъ Іевлевъ, той церкви попъ Петръ Яковлевъ, дьяконъ Мартынъ Григорьевъ и немалое число крестьянъ разныхъ помѣщиковъ. Представляя при своемъ доношеніи взятаго имъ крестьянина Сергѣева, Максимъ Аверьяновъ просилъ принять онаго отъ него и учинить съ нимъ, какъ то указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Того же 25-го Марта приведенный дворовый человекъ, Дементій Сергѣевъ, по учиненному въ Одоевской Воеводской Канцеляріи журналу, въ силу состоявшагося въ 1762 г. 19-го Октября именного Ея Императорскаго Величества указа, былъ въ присутствіи Воеводской Канцеляріи увѣщаемъ и послѣ того секретно допрошенъ.

На допросѣ Дементій Сергѣевъ показаль: Кричалъ онъ „Государево слово и дѣло“ въ церкви Ильи Пророка по первому и второму пунктамъ. По первому пункту обвинялъ онъ Василія Иванова Елыгина, приказчика своего господина, въ томъ, что тотъ 7-го Января 1763 г. между разговоромъ въ побранкѣ съ священникомъ Ильинской церкви, попомъ Петромъ Яковлевымъ, когда попъ пришелъ къ нему съ крестомъ и святой водой, говорилъ попу озорническія слова: „Не токмо я попа выучить сумѣю, я и самаго Бога переучить могу“. На тѣ его Елыгина дерзостныя рѣчи попъ указывалъ ему: „Какъ тебѣ Бога переучить, когда на Него не могутъ зрѣть ангели, архангели, херувими и серафими?“ Присутствовалъ тогда въ горницѣ кромѣ попа сынъ его дячекъ Василій Петровъ. Пустошныя рѣчи Елыгинъ при немъ сказывалъ. Какъ брань началась, дьяконъ Мартынъ Григорьевъ вышелъ изъ избы въ сѣни; слышалъ ли онъ приказчиковы слова или нѣтъ, про то Дементій Сергѣевъ не знаетъ.

По второму пункту Сергѣевъ показаль: Въ прошломъ 1762 г., послѣ праздника Казанской Богородицы (8 Юля), какъ возшла Ея Императорское Величество на Всероссійскій Императорскій престолъ, къ означенному приказчику Елыгину тотъ же священникъ, отецъ Петръ Яковлевъ, заходилъ съ сыномъ своимъ Василюмъ и звали его, Елыгина, въ городъ для присяги Ея Императорскому Величеству. А на это Елыгинъ сказалъ тогда попу Петру: „Есть-ли это гдѣ на свѣтѣ, чтобы жена у мужа волю взяла? Эхъ, не съ кѣмъ мнѣ стать, а то я всѣмъ бы градомъ не пошелъ къ присягѣ“. На такія дерзостныя слова поповскій сынъ Василій возразилъ: „Какъ это ты, Василій Ивановъ, къ присягѣ не пойдешь? Дѣло это великое.—А что мнѣ идти продолжалъ перечить Елыгинъ? Развѣ гроши давать? Объяви указъ, въ какую силу присягать, и бывший Государь живъ или нѣтъ?“

Попъ Петръ прочиталь ему доставленный изъ Одоева черезъ подьячаго Аонасія Сарычева указъ Ея Императорскаго Величества, повелѣвавшій учинить присягу. Но и этимъ не пронялъ его. Такъ тогда ни съ чѣмъ и ушли отъ него попъ съ сыномъ. Послѣ нихъ заходилъ къ Елыгину дьяконъ Мартынъ Григорьевъ и тоже звалъ его въ городъ на присягу. Приказчикъ не пошелъ и отвѣтилъ ему тоже, что и попу Петру съ сыномъ.

До сей поры Дементій Сергѣевъ обо всѣхъ этихъ озорническихъ дѣлахъ не доносилъ, потому что былъ боленъ, а послѣ того не могъ показать на Елыгина за тѣмъ, что тотъ содержалъ его подъ карауломъ и закованнымъ въ желѣзо.

22-го Марта прибѣжалъ онъ, Сергѣевъ, въ цѣбяхъ въ церковь и кричалъ „Государево слово и дѣло“. Услышалъ то десятскій Максимъ Аверьяновъ, забралъ его и отвелъ на барскій дворъ своего господина, а съ того двора повезъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію,

Что въ семь допросѣ показаль онъ самую сущую правду, слася Дементій Сергѣевъ на указанныхъ имъ свидѣтелей: попа Петра Яковлева, его сына Василия и на дьякона Мартына Григорьева.

Дѣло было не шуточное. Въ былые годы за такія „непотребныя“ слова касательныя „высокой персоны“ тянули къ розыску въ Тайную Канцелярію; теперь-же, согласно 8-му пункту именного Ея Императорскаго Величества Указу отъ 19-го Октября 1762 г., обвиняемое лицо, доносчика на него и всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтелей надлежало немедленно взять подъ крѣпкій караулъ, обо всемъ происшедшемъ донести въ Сенатъ и ждать оттуда указа что дальше дѣлать. Такъ присутствіе канцеляріи и рѣшило поступить.

Напередъ необходимо было сыскать тѣхъ свидѣтелей, на коихъ указываль Сергѣевъ. Могло случиться, что, по злобѣ на приказчика Елыгина, Сергѣевъ показаль на него облыжно. Такіе поклепные доносы въ то темное, безпокойное время были часты, а потому надлежало предварительно „противъ его Сергѣева показанія“ секретно допросить всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтелей. Воеводская Канцелярія послала за ними подканцеляриста Ивана Сарычева.

Того-же 25-го Марта попъ Петръ Яковлевъ, его сынъ Василій и дьяконъ Мартынъ Григорьевъ доставлены были въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію, сысканы и порознь секретно допрошены.

Священникъ Петръ Яковлевъ противъ перваго пункта обвиненія показаль тоже, что и Дементій Сергѣевъ, но добавилъ, что брани у него съ приказчикомъ Елыгинымъ не было, а бранился онъ, попъ, съ дьякономъ, бранился за мірскіе доходы. Приказчикъ вступилъ за дьякона и сказалъ тогда попу въ побранкѣ, что онъ не токмо его, попа, выучить сумѣетъ, онъ и самого Бога переучить можетъ.

По второму пункту обвиненія попъ Петръ показываль. Заходилъ я съ сыномъ своимъ къ приказчику Василию Иванову Елыгину и зваль его для присяги Ея Императорскому Величеству, а онъ сказалъ: „Есть ли это гдѣ на свѣтѣ, чтобы жена у мужа волю взяла? Не съ кѣмъ мнѣ стать, а то я бы всѣмъ градомъ не пошелъ къ присягѣ“. На это сынъ мой, дьячекъ Василій Петровъ, указаль ему: „Василій, какъ ты не пойдешь? Вѣдь это дѣло великое“. Остальныя приписываемыя Елыгину слова: „По что мнѣ идти, развѣ гроши давать!“ и „Пусть объявятъ указъ, въ какую силу присягать и живѣ или нѣтъ бывшій Государь!“ тѣхъ словъ, показываль попъ Петръ, онъ отъ него не слыхаль; напротивъ, сказалъ имъ Елыгинъ, какъ они уходили отъ него, что онъ-де и самъ за ними будетъ къ присягѣ въ городъ и тогоже числа взаправду приѣзжалъ въ Одоевъ, а только былъ или нѣтъ у присяги, того попъ не вѣдаетъ.

Въ заключеніе Петръ Яковлевъ указаль, что о всемъ происшедшемъ онъ нигдѣ не объявляль, и что при допросѣ по священству своему показаль самую сущую правду.

Сынъ его, дьячекъ Василій Петровъ, полностью подтвердилъ всѣ показанія Дементія Сергѣева, включая и рѣчи Елыгина о грошахъ и требованіе

его объявить указъ, живъ или нѣтъ бывшій Государь. Не донесъ онъ, Василій, въ свое время о дерзкихъ словахъ Елыгина (пояснялъ дьячекъ) только по простотѣ своей.

Простотою оправдывался и третій свидѣтель по этому дѣлу, Мартынъ Григорьевъ. Слово Елыгина о томъ, что онъ можетъ Бога переучить, дьяконъ Мартынъ не слыхалъ, такъ какъ во время побранки приказчика съ попомъ онъ ушелъ изъ горницы въ сѣни. По второму же пункту показалъ: Идучи въ городъ на присягу Ея Императорскому Величеству, увидалъ я на господскомъ дворѣ Василя Елыгина. Сталъ я звать его на присягу въ городъ, а онъ мнѣ на это и говоритъ: „Эхъ, не съ кѣмъ мнѣ стать, а то бы я всѣмъ городомъ не пошелъ къ присягѣ. Пусть объявятъ указъ, въ какую силу присягать и живъ или нѣтъ прежній Государь“.

Допросъ свидѣтелей полностью подтвердилъ доносъ Дементія Сергѣева. Елыгинъ, Сергѣевъ и всѣ три свидѣтеля посажены были подъ крѣпкій караулъ. О всемъ происшедшемъ подробно тогдаже донесли Сенату.

Съ донесеніемъ въ Правительствующій Сенатъ отправленъ былъ солдатъ Семень Морозовъ. Его снабдили подорожной. Отъ Одоева до Калуги онъ долженъ былъ ѣхать на обывательскихъ, а отъ Калуги до Москвы на ямскихъ лошадяхъ. Прогонныя деньги расчитаны были на обывательскую подводку по деньгѣ на версту, а на ямскихъ лошадей по три копейки за десять верстъ.

2-го Апрѣля 1763 г. дѣло поступило въ Сенатъ. Нѣсколько недѣль пролежало оно тамъ безъ движенія. Проходили дни за днями. Наступили Петровки. Всѣ участники Ильинскаго дѣла: преступникъ, доносчикъ на него и три свидѣтеля все еще пребывали за крѣпкимъ карауломъ. Въ селѣ Ильинскомъ ходили самыя невѣроятныя рассказы объ участи арестованныхъ, строились всевозможныя предположенія. Никто въ точности не вѣдалъ, за что собственно забраны были они, но доподлинно всѣ знали, что дѣло было большое, секретное, касательное „высокой персоны“. Всѣмъ памятно было, какъ дня за три до пріѣзда Сарычева съ солдатами въ село Чоглоково для ареста Елыгина и Ильинскаго причта, кричалъ Дементій Сергѣевъ въ церкви страшныя слова: „Государево слово и дѣло“. Упаси Богъ cadaго отъ такой напасти! Сколько народу православнаго по всей Руси сгибло отъ тѣхъ треклятыхъ словъ, особенно въ дни царствованія благовѣрной государыни Анны Ивановны. Безслѣдно, невѣдомо куда пропадали люди съ тѣхъ окаянныхъ словъ. Вчужѣ жуть брала отъ нихъ. Тоже и теперь могло статься. Немалую тревогу изжили тогда семейные пона и дьякова, сильно закручинились; хотя бы однимъ глазкомъ взглянуть на своихъ, хотъ бы узнать толкомъ: за свою вину или за чужую по навѣту злому, избываютъ они бѣду свою.

Дошли вѣсти о передрягахъ Ильинскихъ до Лихвинскаго Духовнаго Правленія. Какъ видно изъ дѣла, Одоевскій уѣздъ въ духовномъ отношеніи былъ тогда ему подчиненъ. Обезпокоились отцы духовные. Пишутъ въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію промеморію.

Сего Іюня 10-го дня (указывало Лихвинское Духовное Правленіе) поступило увѣдомленіе, что Одоевского уѣзда села Ильинскаго, Чоголово тожь, церкви святого пророка Ильи попъ Петръ Яковлевъ и дьяконъ Мартынь Григорьевъ прошлаго 25-го Марта нарочно присланными для того солдатами взяты въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію и содержатся тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ. „По духовной командѣ“ о томъ знать не дано, а вслѣдствіе этого Ильинская церковь стоитъ праздна, приходскіе люди въ священнослуженіи и въ мірскихъ требахъ испытываютъ большую нужду. Между тѣмъ, по силѣ указа Крутицкой Духовной Консисторіи отъ 10-го Марта сего года, повелѣно подъ угрозою штрафа въ случаѣ, если бы при какой церкви священника не оказалось, или умеръ онъ, или подъ слѣдствіе взять или, наконецъ, какимъ либо другимъ случаемъ „выбудеть“, то „въ самое тогдашнее время“ опредѣлять на тѣ праздныя мѣста священниковъ изъ другихъ селъ. Ссылаясь на этотъ указъ, Лихвинское Правленіе просило Одоевскую Воеводскую Канцелярію увѣдомить его, по какому дѣлу содержится подъ карауломъ арестованный Ильинскій причтъ и „впредь къ содержанію его касательство имѣется-ли“.

Какъ на поводъ къ своему запросу Духовное Правленіе указывало, что, буде освобожденія причта не воспослѣдуетъ, назначить оно въ село Ильинское другого попа, дабы къ совершенію требъ „приходскіе люди неудовольствіе просьбы имѣть не могли“.

Премеморія Лихвинскаго Духовнаго Правленія подписана управителемъ протопопомъ Василиемъ Ивановымъ и присутствующимъ священникомъ Андреемъ Яковлевымъ.

14-го Іюня 1763 г. воеводская канцелярія увѣдомила правленіе, что арестованный причтъ села Ильинскаго содержится по секретному дѣлу, о чемъ представлено въ Правительствующій Сенатъ доношеніемъ, токмо указу не получено и до получения его освобождены не будутъ.

Такимъ образомъ, попытка духовныхъ властей облегчить участь Ильинскаго причта или, по крайней мѣрѣ, вывѣдать за что арестованы попъ Петръ и его присные, окончилась неудачею.

Того-же 14-го Іюня поступило въ Воеводскую Канцелярію извѣщеніе изъ Сената. Генераль-прокуроръ Александръ Глѣбовъ, увѣдомляя, что Ея Императорское Величество Высочайшимъ указомъ соизволила содержащагося въ Одоевской Воеводской Канцеляріи Василія Елыгина, буде онъ въ „говореніи“ имѣ „продерзостныхъ словъ“ признается, дабы онъ впредь таковыхъ словъ говорить не отваживался—бить плетью и послѣ того изъ подъ караула освободить: буде-же онъ запрется въ тѣхъ словахъ и объявить на доносителя, или попа, или дьячка какую ссору или злобу, то, не учиня ему объявленнаго наказанія, донести о томъ ему, генераль-прокурору. Содержащимся подъ карауломъ: челоуѣку Сергѣеву, попу и дьячку, которые, слыша тѣ „продерзостныя слова“ Елыгина долговременно о томъ не доносили и за то подлежатъ штрафу, повелѣно ту ихъ вину „изъ единого Ея Императорскаго Величества милосердія“ оставить и о томъ имъ объявить и изъ подъ караула ихъ освободить.

Въ силу этого предложенія Елыгинъ вновь былъ секретно допрошенъ. На допросѣ въ „говореніи имъ продерзостныхъ словъ“ онъ учинилъ запира- тельство, но показалъ, что на Сергѣева, попа, дьякона и дьячка никакой ссоры и злобы не имѣеть. Тѣмъ-же днемъ обо всемъ этомъ послано было донесеніе въ Сенатъ.

1-го Сентября получено было оттуда второе предложеніе. Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила: хотя приказчикъ Василій Елыгинъ „въ говореніи имъ нѣкоторыхъ продерзостныхъ словъ въ допросѣ запира- тельство учинилъ“, но понеже на челоуѣка Сергѣева, попа, дьякона и дьячка никакой злобы и ссоры не показалъ. „и тако ежели-бъ онъ, Елыгинъ, тѣхъ словъ не говорилъ, то оному челоуѣку Сергѣеву съ товарищи о томъ на него, Елыгина, и показывать было не для чего, почему видно, что онъ, Елыгинъ, въ говоре- нии оныхъ словъ запирается, отбывая за то себѣ надлежащее наказанія“: то, чтобы впредь онъ такихъ словъ говорить не отваживался и „отъ того имѣлъ воздержаніе“ бить его батогами.

Сергѣева, попа, дьякона и дьячка предписывалось немедленно освободить. Такъ какъ относительно указанныхъ лицъ уже было дано высочайшее соизво- леніе освободить ихъ изъ подъ караула, а Воеводская Канцелярія такогого распоряженія своевременно не исполнила, за что сама подлежитъ штрафу, то, ставя такоего упущеніе ей на видъ, генераль-прокуроръ на этотъ разъ вину ей отпускалъ, но предлагалъ впредь „въ такихъ случаяхъ поступать весьма осмотрительно подъ опасеніемъ за неисполненіе неупустительнаго штрафа“.

Предложеніе генераль-прокурора помѣчено 19 Августа 1762 г. Въ Одоевскую Воеводскую Канцелярію оно поступило 1-го Сентября. Одоевскія власти, въ особенности воевода Щербачевъ, были немало смущены полученною бумагою. Допрещъ того такихъ случаевъ не бывало. Велика важность, что, ради вящаго обереженія чести Ея Императорскаго Величества, одного „подлой по- роды“ челоуѣка, да трехъ „долтогривыхъ“ лишне продержали какія нибудь нѣсколько недѣль! При блаженной памяти покойной государыни Анніи Ивановнѣ такого выговора Воеводской Канцеляріи не написали бы. Эхъ, вправду, гово- рить: новая весна новыя пѣсни приносить.

Того-же 1-го Сентября освобожденный причтъ и „подлой породы“ чело- уѣкъ Дементій Сергѣевъ, вѣроятно во время тоскливаго содержанія подъ ка- рауломъ не разъ попенявшій на себя за свой доносъ, радостно возвращались по своимъ домамъ. Нещадно избитаго батогами Василія Елыгина принялъ подъ росписку крестьянинъ его господина Степанъ Исаевъ.

В. Кашкоровъ.

